

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лаксельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., Тюменский ун-т;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана (Алматы, Казахстан);
Зими́на О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубеси Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Пинхаси Р., PhD, Венский ун-т (Австрия); Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга (Швеция);
Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 1 (72)
2026**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology UB RAS (Chelyabinsk, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Omsk, Russia)

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, Margulan Insntiute of Archaeology (Almaty, Kazakhstan)

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS
(Saint Petersburg, Russia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University of Vienna (Vienna, Austria)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, University Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ РАННЕГО К ПОЗДНЕМУ НЕОЛИТУ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ

К настоящему времени в лесостепном Зауралье открыто около 60 памятников с разными культурными традициями неолита, соотношение между которыми изучено недостаточно. В статье дается подробная характеристика и анализ неолитических материалов поселения Кочегарово I. Коллекция каменного инвентаря поселения насчитывает 586 предметов, неолитической керамики — около 3000 фрагментов, или 122 сосуда. При анализе изделий из камня и керамики применялся типологический метод, сырье для изготовления орудий определялось по классификации И.В. Хворовой, хронология неолитического слоя поселения построена на 15 радиоуглеродных датах. В первой половине V тыс. до н.э. площадка памятника заселялась общинами с традициями как раннего, так и позднего неолита. Наиболее вероятным является вариант совместного проживания и тесных социальных связей между общинами козловской и полуденской традиций, что отразилось в орнаментации сосудов. На поселении Мерзень 7 зафиксированы сосуды со смешанными чертами между ранней — козловской культурной традицией и поздними полуденской и маханджарской культурными традициями. Появление памятников с переходными чертами в керамике и каменном инвентаре позволяют нам обозначить первую половину V тыс. до н.э. в зауральском социокультурном пространстве как переходное время от культурных традиций раннего к традициям позднего неолита

Ключевые слова: *ранний и поздний неолит, переходное время, орудия из камня, керамика, культурные традиции.*

Ссылка на публикацию: Мосин В.С. Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2026. 1. С. 60–72. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2026-72-1-7>

Введение

В лесостепном Притоболье с конца 50-х гг. XX в. до настоящего времени открыто около 50 памятников с неолитическими слоями, из них на 18 проводились раскопки различной площади [Вохменцев, 2016; Зах, 2009]. Наиболее представительные коллекции были получены с таких памятников, как Боборыкино 2, Долговское III, Ташково I, III, Пикушка 1, Кошкино V, Усть-Суерь 4, Гилево VIII, Ук 6. В неолитическое время в лесостепном Притоболье сосуществовало несколько разных культурных традиций, хронологическое и пространственное соотношение между которыми изучено явно недостаточно, что вызвало необходимость новых полевых исследований.

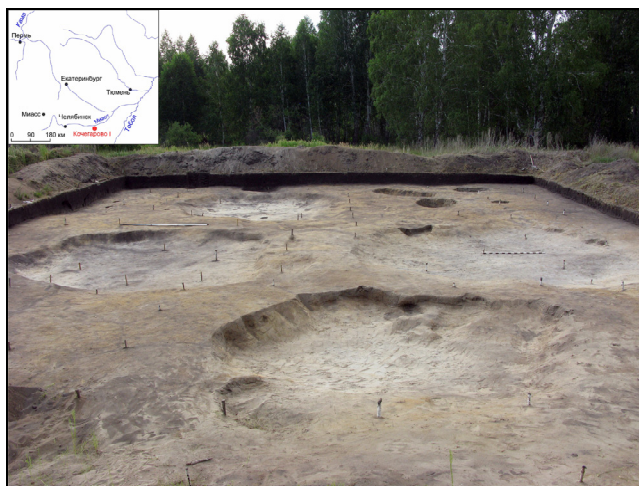
Поселение Кочегарово I расположено на первой надпойменной террасе, на правом берегу старичного русла р. Миасс на границе Мишкинского и Юргамышского районов Курганской области в 1 км к западу от д. Кочегарово (рис. 1). Памятник был открыт отрядом археологической экспедиции ЧГПИ под руководством Н.Б. Виноградова в 1990 г. в ходе разведочного обследования по р. Миасс [Вохменцев, 2016, с. 17–19]. Исследования памятника проводились на протяжении нескольких сезонов, в 1992, 2007–2011, 2016 гг., под руководством В.С. Мосина и М.П. Вохменцева. Изначально на поверхности фиксировалось 11 впадин овальной формы, различных глубины и размеров, которые оказались суффозионными просадками, за исключением одной впадины, образовавшейся от углубленного жилища энеолитического времени. За годы раскопок было изучено около 2000 м² площади поселения, включая 8 сооружений эпох неолита и энеолита. Полная археологическая коллекция поселения, включая немногочисленные артефакты эпохи бронзы и средневековья, составила более 30 000 экз. Целью данной статьи является анализ особенностей неолитических материалов поселений переходного времени от раннего к позднему неолиту лесостепного Зауралья.

Характеристика материалов

Неолитическое поселение площадью около 800 м² занимало южную часть площадки поселения и выделяется как по фиксации своеобразного культурного слоя, так и по распространению неолитических артефактов по площади. Стратиграфия памятника не представляет сложно-

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

сти. В южной части, где зафиксирован неолитический слой: дерн — 10–15 см; гумус — 15–20 см; темно-серая гумусированная супесь (при высыхании хорошо отличается от вышележащего гумуса) — культурный слой энеолитического времени — 15–20 см, во впадинах — до 30 см; светлый желто-серый, с черными пятнами песок — 10–20 см — культурный слой эпохи неолита; материк — желтая глина или пылевидный песок светлых оттенков. В северной части, где неолитического слоя нет, энеолитический горизонт непосредственно подстилает плотная желтая глина с трещинами от солифлюкции. В некоторых впадинах между энеолитическим и неолитическим слоем фиксируется прослойка черного плотного суглинка, образовавшегося в результате долгого стояния воды при затоплении площадки памятника.

Рис. 1. Расположение поселения Кочегарово I. Центральная часть неолитического поселения.

Fig. 1. Location of the Kochegarovo I settlement. The central part of the Neolithic settlement.

На площадке неолитического поселения находилось пять сооружений, а также яма 1 и яма 2 (рис. 1). Суффозионные просадки грунта, которые были использованы неолитическим населением в качестве легких слабоуглубленных построек, имели овальную или подпрямоугольную со скругленными углами форму (вероятно, такая форма появилась в результате подчистки песчаных стенок впадин еще в неолите или энеолите). Глубина впадин составляла 0,2–0,3 м. Самым крупным является сооружение площадью 69–70 м², остальные — от 30 до 56 м². Отсутствие очагов, слабая углубленность котлованов позволяют предполагать непродолжительное время обитания, скорее всего, в теплое время года. Отсутствие очагов может быть и результатом размыва, вследствие периодического подтапливания площадки неолитического поселения.

Коллекция каменного инвентаря поселения (рис. 2, 3), представленная нуклеусами, пластинами и орудиями на пластинах и отщепах, насчитывает 586 предметов. Эти артефакты выделены по самым низким нивелировочным отметкам, поскольку вне впадин стерильная прослойка между неолитическим и энеолитическим слоем отсутствовала и существенная часть каменных артефактов могла оказаться в смешанном состоянии. Сырьем для изготовления орудий по классификации И.В. Хворовой [1983] служили преимущественно фтанитоиды зеленого, серо-зеленого и серого цвета (47,4 %), серые субновакулиты («боборыкинская яшма») (31,3 %), сургучно-зеленые и сургучные яшмы (12,6 %) и в значительно меньшей степени коричневые, розовые и серые микрокварциты (5 %), желтый и коричневый халцедон (2,3 %) и черные фтаниты (1,32 %). Обломки, отщепы и чешуйки для неолитического и энеолитического слоев обобщенно составили около 5 тыс. экз.

Нуклеусы (11) изготовлены на плитках, высота 3,6–5,8 см, площадка скошена и сбита одним сколом (5), скошена и обработана несколькими сколами (4), контрфронт обработан поперечными или продольными (2) сколами. Негативы от снятий не всегда регулярные, шириной 0,7–1 см. Торцово-фронтальные и уплощенные (3) (рис. 2, 2, 3), с оформленным ребром (1), микронуклеусы (2) высотой 1,7–2,8 см, площадки прямые, обработаны мелкими сколами, ширина негативов 0,3–0,4 см. Конический нуклеус (рис. 2, 1) с прямой площадкой, обработанной мелкими сколами, поверхность снятий занимает 4/5 окружности площадки. Два нуклеуса по ха-

рактерным заламам и затертостям можно интерпретировать как переоформленные в ретушеры (рис. 2, 4). Два нуклеуса с забитыми площадками сильно окатаны. Пренуклеус на плитке (1).

Рис. 2. Поселение Кочегарово I. Орудия из камня:

1–4 — нуклеусы; 5–8 — сверла; 9, 10, 14–17 — остря; 11–13 — геометрические микролиты; 18–21, 26, 27 — скребки на отщепях; 22–25 — микроскребки; 28–30 — скребки концевые; 31–34 — наконечники на пластинах; 35 — скребок на сколе с нуклеуса.

Fig. 2. Kochegarovo settlement. Stone tools:

1–4 — cores; 5–8 — drills; 9, 10, 14–17 — scrapers on flakes; 11–13 — geometric microliths; 18–21, 26–27 — scrapers on flakes; 22–25 — micro scrapers; 28–30 — end-scrapers; 31–34 — arrowheads on blades; 35 — core-shaped scraper.

Также присутствуют поперечные и продольные обломки расколотых нуклеусов (11), реберчатые сколы (17), первичные сколы с плиток (10), полупервичные (6), продольные (12), поперечные (8) и ныряющие (3) сколы. Среди отходов преимущественно мелкие отщепы, чешуйки, целые кварцитовые гальки и их обломки. Пластины без обработки (136), из них: целые (42), преимущественно нерегулярной огранки, длиной 1,7–6 см; сечения проксимальные (53) большей частью правильной огранки, длиной 1,1–4 см; медиальные (82) преимущественно правильной огранки, длина 0,5–4 см; дистальные (54); а также отсеченные ударные бугорки (22).

Среди пластин с ретушью (103) (рис. 3, 1–9) преобладают ретушированные мелкой краевой ретушью по одному (46,5 %) или двум (31,6 %) краям по спинке. Также присутствуют пластинки

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

с ретушью утилизации (36). Выделяется серия микропластин преимущественно длиной 2–2,2 см, шириной 0,3–0,5 см с притупленным крутой, почти вертикальной ретушью одним продольным краем, так называемые пластинки с притупленной спинкой (28), одна из них — со спинки по двум краям. В целом, пластины и орудия на них шириной до 1 см составляют 52 %, а 1–1,4 см — 33 %, несколько особняком стоят крупные пластины (10) длиной 4,5–8 см и шириной 1,4–1,8 см.

Рис. 3. Поселение Кочегарово I. Орудия из камня:

1–10 — пластины с ретушью; 11, 12 — пластины с ретушью на конце; 13 — резчик; 14–16 — резцы;
17–19, 23 — скребки концевые; 20 — пластина с выемкой; 21–22 — наконечники на отщепах;
24, 27 — комбинированные орудия; 25, 26 — шлифованные орудия.

Fig. 3. Kochegarovo settlement. Stone tools:

1–10 — retouched blades; 11, 12 — blades with straight truncation; 13 — cutting tool; 14–16 — blade with a burin blow; 17–19, 23 — end-scrapers; 20 — blades with notch; 21–22 — arrowheads on flakes; 24, 27 — combined tools; 25, 26 — polished tools.

Резцы (17) на углу сломанной пластинки (рис. 3, 14–16) одинарные (7), двойные (2), с обработанными ретушью краями (6). Один резец ретушный боковой с четырьмя резцовыми сколами. Резчики (9) (рис. 3, 13) с выполненными мелкой краевой ретушью прямыми (3) и клювовидными (6) рабочими лезвиями. Пластины с выемкой (скобели) (13) (рис. 3, 20) оформлены ретушью со стороны спинки (11) или брюшка (1). Пластины с ретушью на конце (3) (рис. 3, 11, 12) выполнены на медиальных сечениях: с мелкой ретушью по обоим краям и торцу со стороны спинки; с обработанными с брюшка одним боковым краем и торцом; микропластинка с притупленной

спинкой и обработанным торцом. Острия (16) (рис. 2, 9, 10, 14–16) изготовлены на дистальных частях целых пластин (6), дистальных (7) и медиальных (3) сечениях. Острия оформлены мелкой ретушью со стороны спинки (10), брюшка (2), спинки и брюшка (3). Одно скошенное острие со сломанным кончиком. Сверла (9) (рис. 2, 5–8) изготовлены на микропластинках, обработанных крутой ретушью со спинки (6) и брюшка (3). Рабочее лезвие оформлено характерной для сверл противоположащей ретушью. Перфораторы (4) выполнены на средних и крупных пластинах толщиной до 0,6 см и обработаны крутой ретушью со спинки, рабочий край притуплен или имеет следы работы. У одного орудия два приостренных рабочих края. Два обломка имеют характерную обработку рабочего края и залощенность. Геометрические микролиты (4) (рис. 2, 11–13) представлены классическими асимметричными трапециями (2), оформленными крутой ретушью со спинки по длинному краю и с брюшка по короткому. Одна трапеция на нестандартном пластинчатом отщепе. Обломок асимметричной трапеции представлен скошенным острием.

Наконечники стрел на пластинах (7) (рис. 2, 31–34). Целые экземпляры (4) оформлены пильчатой ретушью (2), по двум краям со спинки и брюшка (1), по двум краям с брюшка (1), насады прямой и вогнутый подработаны ретушью со спинки и брюшка (усеченные). Третий из указанных целый наконечник выполнен мелкой противоположащей ретушью по обоим краям, насад слегка подтесан, четвертый — с оформленным мелкой ретушью со спинки и частично с брюшка жалом. Кроме того, найдены два обломка жал, оформленных пильчатой краевой ретушью и обломок нижней половины изделия с пильчатой ретушью с брюшка и слегка вогнутым насадом.

Скребки концевые на пластинах (74) (рис. 2, 28–30; 3, 17–19) представлены вариантами с округлым (32), прямым (21) и скошенным рабочими лезвиями. Двойной скребок имеет округлое и скошенное лезвие (рис. 2, 29). Дополнительная обработка применялась по одному или двум боковым краям (40) со спинки и брюшка (10). Среди концевых скребков присутствуют комбинированные орудия: скребок — боковое скребло на крупной пластине с выпуклым лезвием, оформленным крутой ретушью со спинки; скребок с резцовым сколом по одному краю; двойной скребок с противоположащими рабочими лезвиями, расположенными со спинки и брюшка, обработанный по краям вертикальной крупной ретушью со стороны спинки (рис. 3, 23).

Наконечники двусторонне обработанные на отщепах листовидной формы (4) (рис. 3, 21–22). Один выполнен на плоском отщепе с округлым насадом, с одной стороны обработана вся поверхность, с другой — только края пильчатой ретушью. Два с прямыми подтесанными насадами и двусторонней обработкой. Кроме этого, найден обломок жала с двусторонней пильчатой ретушью.

Скребки на отщепах (60) (рис. 2, 18–21, 26, 27) представлены различными вариантами: с рабочим лезвием по всему периметру, округлой (5) и овальной (3) формы, с ретушью по 3/4 края (17), с ретушью по 2/3 края (11), боковые (6), концевые (21). Форма скребков в большинстве случаев зависит от формы заготовки. Также представлены скребки на продольных (2) (рис. 2, 35) и поперечных (4) сколах с нуклеусов. Микроскребки (19) (рис. 2, 22–25) выполнены на отщепах диаметром 0,7–1,2 см, высокой формы (8) с крутой почти вертикальной ретушью, остальные оформлены краевой скребковой ретушью, рабочее лезвие занимает $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ периметра. Кроме того, выявлены: отщепы с выемкой по одному из краев (7), сколы с нуклеусов с ретушью, отщепы с частичной нерегулярной ретушью (28). Шлифованные орудия (4) (рис. 3, 25, 26) представлены исключительно обломками с сохранившейся пришлифованной поверхностью.

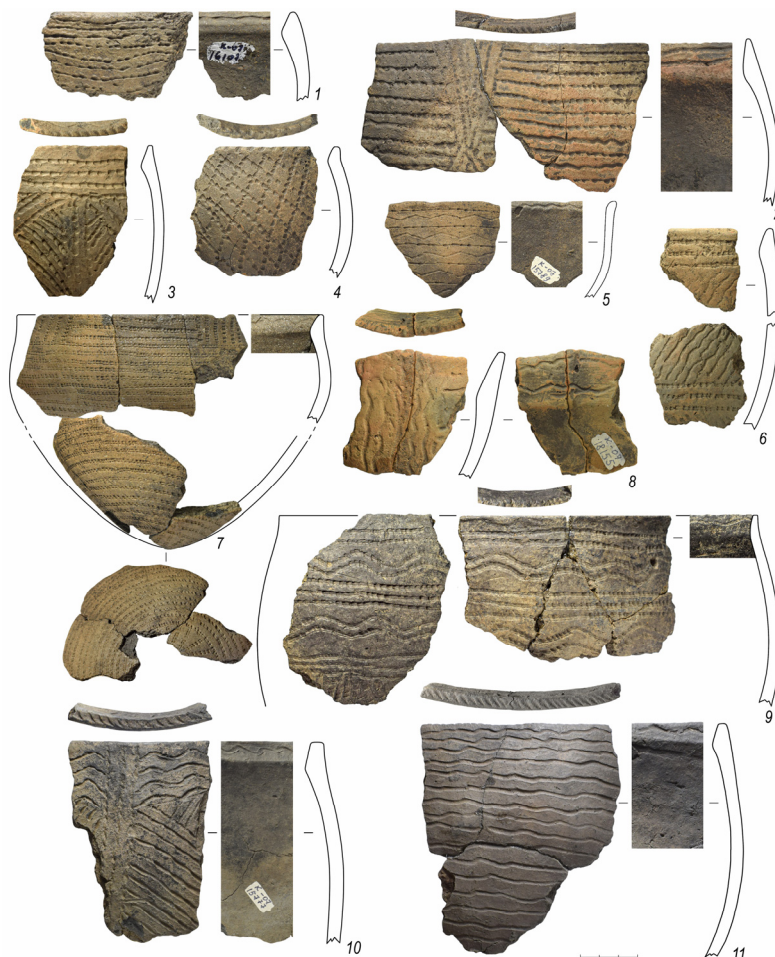
Комбинированные орудия на пластинах (2): одно выполнено крутой ретушью со спинки выемкой и двумя резцовыми сколами, другое — с резцовым сколом по одному ретушированному краю, на другом ретушью оформлена выемка. Комбинированное орудие на отщепе (рис. 3, 24) треугольной формы с двух сторон обработана плоскими сколами. Широкий конец оформлен крутой ретушью под скребковое лезвие, острый конец — как сверло или перфоратор. Комбинированное орудие на реберчатом сколе (рис. 3, 27) — один рабочий край оформлен концевым скребком и имеет сильные заломы по краю и заполированную поверхность, противоположный конец выполнен как перфоратор и тоже заполирован, по боковым краям нанесена крутая ретушь.

Коллекция неолитической керамики насчитывает около 3000 фрагментов, среди которых значительная часть представлена фрагментами размером менее 5 см. По развалам и оригинальным венчикам было выделено 122 сосуда.

Козловская культурная традиция (31) (рис. 4, 2–4, 6–10) представлена закрытыми банками с округлым дном, наплывом на внутренней стороне венчика. Единично зафиксировано небольшое «ушко» на венчике, подчеркнутое вертикальными волнистыми линиями. В качестве сырья использовались большей частью илестые глины с шамотом из керамики и тальком. Поверх-

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

ность заглажена, уплотнена, иногда до блеска, реже фиксируются следы охры. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность, заходя на внутреннюю сторону венчика, и выполнен прочерчиванием и отступанием инструментом с округлым или двузубым концом (расщепленная палочка). Среди орнаментальных мотивов: горизонтальные прямые и волнистые линии, широкие горизонтальные зоны, заполненные волнистыми линиями, взаимопроникающие треугольные зоны, вертикальные разделительные полосы, ромбическая сетка.

Рис. 4. Поселение Кочегарово. Керамика раннего неолита. Культурные традиции: 1, 5, 11 — кошкинская; 2–4, 6–10 — козловская.

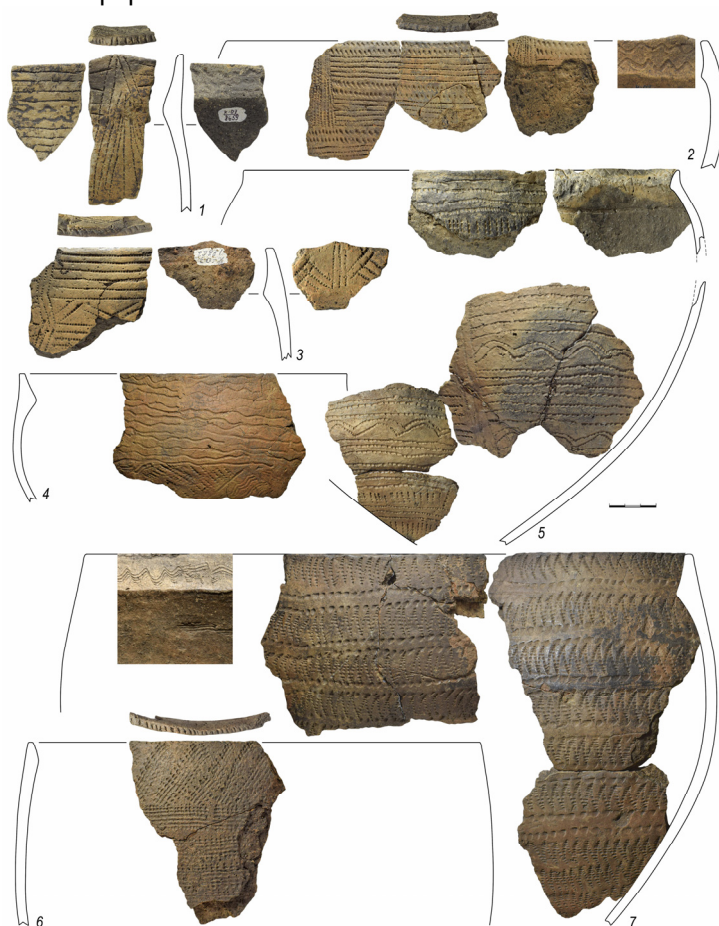
Fig. 4. Koshchegarovo settlement. Ceramics of the Early Neolithic. Cultural traditions: 1, 5, 11 — Koshkino; 2–4, 6–10 — Kozlovo.

Кошкинская культурная традиция (5) (рис. 4, 1, 5, 11) по морфологии и технике орнаментации не отличается от козловской. Орнамент покрывает всю внешнюю поверхность и от козловского отличается большей разреженностью. Также можно отметить отсутствие талька в примеси.

Полуденская культурная традиция (31) (рис. 5, 3–7; 6, 1, 3) представлена закрытыми банками с треугольным наплывом на внутренней стороне венчика и округлым дном. В качестве сырья, как и в полуденской посуде, использовались большей частью илистые глины как с дробленным тальком, так и без него. Поверхность сосудов заглажена и уплотнена. Основным инструментом орнаментации являлся гребенчатый штамп с прямоугольной нарезкой зубцов, применялась техника печатания, «шагания», прокатывания и прочерчивания. На части сосудов техника печатания штампом была преобладающей. Также сохраняется прочерчивание и отступание инструментом с округлым концом. Среди орнаментальных мотивов горизонтальные, наклонные и вертикальные полосы шагающей гребенки, волнистые прочерченные линии, горизонтальные ряды наколов.

Боборыкинская культурная традиция (40) (рис. 6, 6–9) зафиксирована большей частью в мелких фрагментах. Один археологически реставрируемый сосуд — круглодонная банка, орна-

ментированная горизонтальными линиями наколов по всей поверхности и только по шейке — горизонтальным зигзагом из тех же наколов. Имеющиеся верхние части сосудов — с отогнутым верхним краем, орнаментированным горизонтальными рядами наколов и прочерченным зигзагом. Наличие обломков плоских дниц свидетельствует и о присутствии обычных для этой традиции сосудов горшечной формы.

Рис. 5. Поселение Кочегарово. Керамика позднего неолита. Культурные традиции: 1–2 — козловско-полуденская; 3 — гребенчатая; 4–7 — полуденская.

Fig. 5. Kochegarovo settlement. Ceramics of the Late Neolithic. Cultural traditions: 1–2 — Kozlovo-Poludenka; 3 — Comb; 4–7 — Poludenka.

Маханджарская культурная традиция (6) (рис. 6, 2, 5) представлена немногочисленными остродонными сосудами с характерным резко отогнутым наружу верхним краем с широкой выемкой изнутри. Орнамент — горизонтальные пояса вертикального зигзага, выполненного тонким гребенчатым штампом.

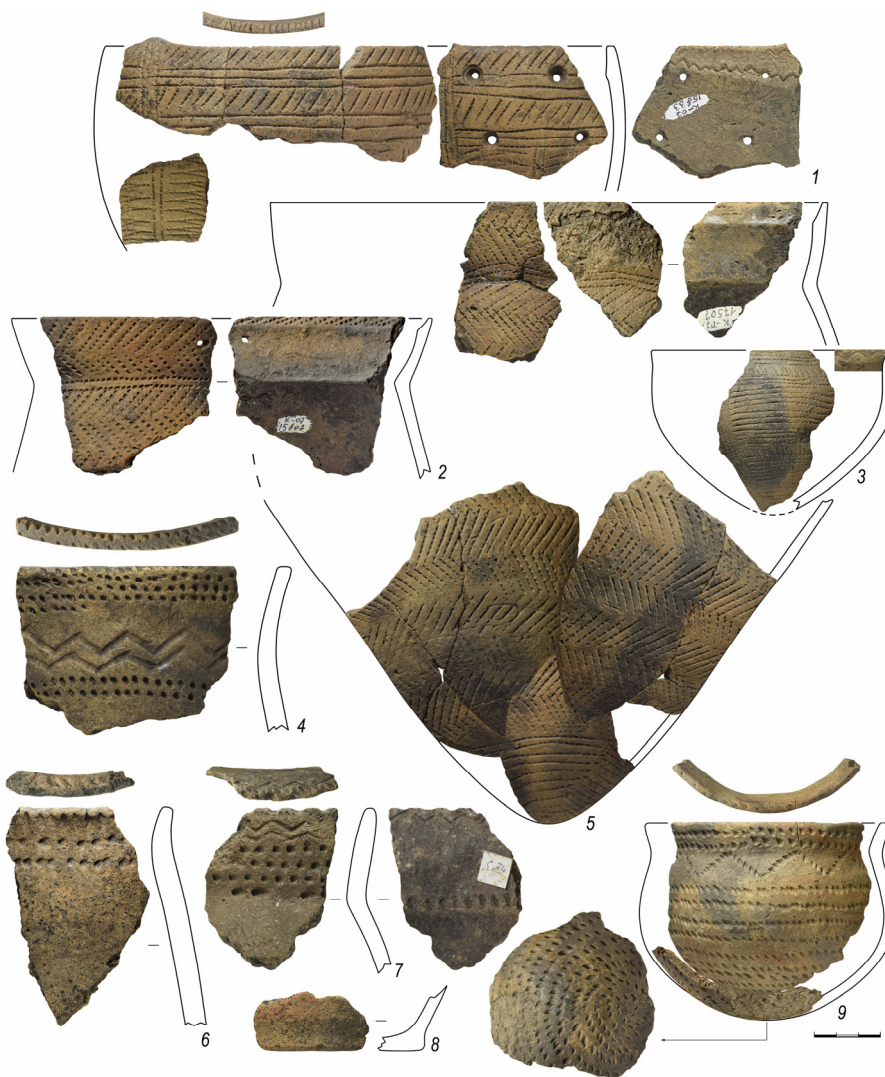
У 7 сосудов определить культурную принадлежность не удалось.

Обсуждение

Площадка поселения первично была заселена коллективами охотников и рыбаков в конце раннего неолита, что было обусловлено сменой гидрографической ситуации. Изменилось русло реки Миасс, высвободились новые участки суши и начались почвообразовательные процессы. Первое поселение было расположено на мысу, образованном рекой Миасс и впадающим водотоком. Вероятнее всего, это был речной пляж, поскольку анализ культурного слоя этого периода позволяет заключить, что все ранние неолитические артефакты были найдены в подстилающей породе, являющейся аллювиальным песком, на берегу древнего русла реки в непосредственной близости от нее. Площадка поселения периодически затапливалась, и заселение, вероятно, носило сезонный характер. После осушения территории проявился процесс

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

суффозии с образованием котловин, которые были использованы неолитическим населением для сооружения построек (жилищ?), на что указывает просадка подстилающей породы (материка) с вышележащими горизонтами и культурными слоями. По результатам геохимических исследований, основными видами хозяйственной деятельности неолитического населения были охота и рыбная ловля, возможно, собирательство. Антропогенная нагрузка на площади поселения была невысокой, о чем свидетельствуют строение культурного слоя и его химический состав [Бикмулина и др., 2017].

Рис. 6. Поселение Кочегарово. Керамика позднего неолита. Культурные традиции: 1, 3 — гребенчатая; 2, 5 — маханджарская; 4, 6–9 — боборыкинская.

Fig. 6. Kochegarovo settlement. Ceramics of the Late Neolithic. Cultural traditions: 1, 3 — Comb; 2, 5 — Mahanjar; 4, 6–9 — Boborykino.

На территорию, откуда первоначально заселялось поселение, может указать анализ кремнистого сырья для изготовления орудий. Преимущественная часть орудий изготовлена из фтанитоидов и яшм (61,3 %), происходящих из Магнитогорско-Тагильского синклинория, в части Южного Зауралья [Мосин, Никольский, 2008]. На территории Западно-Сибирской низменности, в пределах Курганского и Тюменского Притоболья, эти кремнистые породы в естественном залегании (распространении) не выявлены и могли появиться здесь только как принесенные человеком. Серые субновакулиты, так называемая «боборыкинская яшма» (31,3 %), также происходят из Южного Зауралья. и были обнаружены восточнее основной зоны Магнитогорско-Тагильского синклинория, на Зауральском пенеплене, откуда древними течениями были вынесены на территорию лесостепного Притоболья. В конце каменного века конкреции этой кремнистой поро-

ды вполне могли встречаться в песчаных обнажениях рек Исети и Миасса, обломки таких конкреций были найдены на дне одной из котловин поселения, но, как показали специальные полевые исследования, в настоящее время на территории Притоболья полностью отсутствуют.

Каменный инвентарь неолитического комплекса имеет ярко выраженный пластинчатый облик, что характерно как для раннего, так и позднего неолита Зауралья. Это отражается в типичных нуклеусах, пластинчатых заготовках и наборе орудий.

Большинство нуклеусов поселения представлены изделиями на плитках. Призматические и конические нуклеусы в Южном Зауралье являются сквозными от конца палеолита до энеолита. В раннем неолите есть переходные формы от торцовых к плоским нуклеусам на плитках. Это торцово-фронтальные нуклеусы (рис. 2, 2), на которых скалывание проводилось по торцовой и соседней боковой стороне, ударная площадка приобретала очертания сегмента. Кроме того, в коллекции присутствуют геометрические микролиты, представленные классическими асимметричными трапециями, оформленными крутой ретушью со спинки по длинному краю и с брющка по короткому (рис. 2, 11–13). Такие изделия характерны для памятников мезолита и раннего неолита Зауралья, например, Черников брод I, ЮАО XIIIa, Мергень 6 [Еньшин и др., 2024; Мосин, 2012; 2019, с. 245–249; Шаманаев, 2001].

К поздним чертам в коллекции каменного инвентаря поселения можно отнести наконечники стрел на пластинах с пильчатой ретушью (рис. 2, 31–34). Такие наконечники были встречены на Ташбулатово I, Путиловской Заимке, Чебаркуле XVI и других памятниках, расположенных в различных природных зонах Зауралья [Матюшин, 1970; Мосин, 1996; Мосин, Беспрозванный, 1985]. Как правило, изготовлены они на мелких пластинах, тонкой ювелирной ретушью обработано только острие, в подавляющем большинстве со стороны брющка. Эти изделия оригинальны и характерны для позднего неолита.

Оставшиеся группы орудий представляют собой стандартный набор, характерный для неолитических памятников Зауралья (ретушированные пластинки, остря, сверла, пластины с притупленной спинкой, концевые скребки и т.д.).

Керамическая коллекция поселения также имеет свои особенности. В ней присутствуют сосуды как раннего неолита — керамика козловской и кошкинской культурных традиций, так и позднего неолита — полуденской, боборыкинской и маханджарской культурных традиций.

Необходимо отметить наличие «переходных» сосудов (3) от козловской традиции к полуденской (козловско-полуденские). Им свойственно использование гребенчатого штампа в характерных для козловской традиции мотивах: горизонтальные полосы, разделенные рядами наколов, и подчеркивание «ушка» на венчике высоким треугольником (рис. 4, 1, 2). На одном сосуде ушко подчеркнуто вертикальными прочерченными линиями, ниже — зона горизонтальных наколов и горизонтальные ряды шагающей гребенки, разделенные одной прочерченной волнистой линией.

Хронология памятника основана на 15 радиоуглеродных датах, полученных по органике в керамике, и двух датах AMS по нагару. Даты по керамике были определены в двух лабораториях: Лаборатории изотопных исследований РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) и Киевской радиоуглеродной лаборатории, даты AMS — в лаборатории Университета Аризоны (США). Для керамики раннего неолита козловской традиции получены значения от 6073 ± 100 (SPb-1272) до 5740 ± 90 (Ki-16856), т.е. 5200–4490 Cal BC, для керамики позднего неолита полуденской, боборыкинской и маханджарской традиций — от 6049 ± 130 (SPb-1667) до 5630 ± 90 (Ki-16855), т.е. 5079–4350 Cal BC [Мосин, 2023]. Необходимо подчеркнуть, что по пять дат в диапазоне 5077–4843 Cal BC — 4841–4494 Cal BC как для козловской, так и для полуденской, боборыкинской и маханджарской керамики практически совпали в своих значениях [Мосин, 2023, с. 39, табл. 1, 5–9, 11–15]. Учитывая, что датировка проводилась по одинаковому исходному материалу, по одинаковой методике и в разных лабораториях, можно признать эти даты валидными. Даты, полученные AMS-методом по нагару на козловской керамике в Аризоне, — 5615–5475 Cal BC оказались как минимум на 600 лет древнее основного пакета дат [Мосин, 2023, с. 39, табл. 1, 16, 17]. Таким образом, в 5077–4494 Cal BC, т.е. в условном диапазоне первой половины V тыс. до н.э., площадка памятника, с учетом вероятной сезонности проживания, заселялась общинами с традициями как раннего, так и позднего неолита. В каких комбинациях и в какое конкретное время здесь жили представители козловской, полуденской, боборыкинской и маханджарской культурных традиций, определить достоверно невозможно. Наиболее вероятным является вариант совместного проживания и тесных социальных связей, предположительно брачно-семейных, между общинами козловской и полуденской традиций, что отразилось в орнаментации сосудов.

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

Это время и содержательные характеристики неолитического комплекса памятника Кочегарово I можно обозначить как переходные от традиций раннего к традициям позднего неолита.

Поселение Кочегарово I — не единственное в лесостепном Зауралье сочетающее в культурном слое керамику разных культурных традиций, составляющих единый комплекс. На поселении Мergenъ 7 исследовано двухкамерное жилище 1 с козловской, полуденской и маханджарской керамикой. По морфологии емкостей — вытянутая горшечная форма — авторами исследования была выделена синкретичная группа керамики, которая составила 20 % комплекса. Кроме характерной формы и использования в орнаментации гладкого прочерчивания, наколов, сочетания волнистого прочерчивания и оттисков гребенчатого штампа или «шагающей гребенки» присутствует и непосредственно сосуд маханджарской традиции с присущей ей формой, орнаментацией и технологией изготовления (наличие шерсти в формовочной массе и кварцевой дресвы).

В вышеуказанном случае «переходными» являются сосуды со смешанными чертами между ранней — козловской культурной традицией и поздними полуденской и маханджарской культурными традициями. Для жилища получено шесть дат (четыре по углю, две по керамике). Все они имеют контекстную привязку (пол котлована / столбовая яма / развал сосуда) и определяют время существования комплекса второй четвертью V тыс. до н.э. — 4716–4501 Cal BC [Еньшин, 2015; Еньшин, Скочина, 2023]. Можно предполагать одновременное совместное проживание и тесные связи между общинами с козловскими, полуденскими и маханджарскими традициями.

В лесном Зауралье на поселении Евстюниха I в культурном слое и в заполнении неолитического жилища, включая дно, зафиксирована керамика, относящаяся как к раннему, так и к позднему неолиту. Было выделено порядка 123 сосудов, из которых 86 (70 %) были орнаментированы прочерченно-накольчатым орнаментом козловской культурной традиции (евстюнихский вариант) раннего неолита и 32 (26,0 %) сосуда с волнисто-гребенчатым орнаментом полуденской культурной традиции позднего неолита.

Предпринятые автором исследования попытки планиграфически и стратиграфически разделить сосуды раннего и позднего неолита не привели к успеху. Основная часть фрагментов полуденских сосудов была найдена в жилище на тех же глубинах, что и козловские, включая дно впадины. Автор пришел к выводу, «что вопрос об однослойности памятника не может быть решен однозначно... Расположение сосудов, относящихся к разным орнаментальным традициям (прочерченной и гребенчатой) в рамках одного сооружения, на одних и тех же глубинах (в том числе и на дне), наводит на мысль об одновременной эксплуатации жилища носителями обеих традиций» [Герасименко, 2008, с. 71]. Хронология памятника в достаточной мере не установлена. Получено только две радиоуглеродные даты по керамике козловской культурной традиции — 6180 ± 90 (Ki-16040) и 6320 ± 90 (Ki-16039), или интервал 5382–5004 Cal BC, т.е. вторая половина — конец VI тыс. до н.э., что соответствует позднему этапу раннего неолита [Мосин, 2024].

Каких-либо свидетельств переходного времени, как на поселении Кочегарово I, не зафиксировано, что объяснимо более ранним временем функционирования памятника, однако на керамике козловской традиции уже использовался гребенчатый штамп с тремя или четырьмя зубцами прямоугольной и квадратной формы для оформления бордюрных зон и разделительных поясков [Герасименко, 2008].

На поселении Полуденка I [Бунькова, 2011, с. 125–144] керамический комплекс жилища представлен всеми культурными традициями неолитической керамики Зауралья: козловской (кокшаровско-юринской), кошкинской, боборыкинской и полуденской, которая является самой многочисленной. Керамика разных традиций залегала в одних и тех же стратиграфических и планиграфических условиях, однако очевидных переходных черт на посуде не зафиксировано, хотя время существования жилища соответствует хронологии поселения Кочегарово I — 5970 ± 70 (Ki-15872) — 4946–4770 Cal BC [Мосин, 2024].

В период позднего неолита Зауралья продолжается сосуществование социумов с разными культурными традициями в рамках одного поселения. На поселении Ук VI [Васильев и др., 1998, с. 254–256] коллекция керамики включает остатки 124 керамических сосудов. К боборыкинской культурной традиции отнесено 114 сосудов различной формы: профилированные сосуды, сосуды баночной формы с прямыми стенками, с плоскими или округлыми днищами. С использованием гребенчатого штампа орнаментированы десять сосудов; здесь основными мотивами являются горизонтальные ряды шагающей гребенки и ряды наклонных оттисков штампа. К этой группе относятся сосуды полуденской и маханджарской культурных традиций. Вместе с сосу-

дами боборыкинской культурной традицией они одновременны и составляют один комплекс 5050–4610 Cal BC, т.е. первой половины V тыс. до н.э.

На поселении Ташково 1 в диапазоне 5046–4463 Cal BC, т.е. первой половине V тыс. до н.э. [Мосин, 2023], также отмечено залегание в одном слое керамики полуденской, боборыкинской и маханджарской культурных традиций, причем два развала сосудов — полуденской и боборыкинской традиций зафиксированы на одном метрическом горизонте.

Факты совместного залегания сосудов разных культурных традиций раннего и позднего неолита Зауралья: козловской, полуденской, боборыкинской — в одних сооружениях и культурных слоях уже давно известны, но именно переходные формы, фиксируемые в изменениях техники нанесения и мотивах орнамента, пока единичны. На рубеже раннего и позднего неолита в первой половине V тыс. до н.э. в Зауралье появляются общины с керамикой маханджарской культурной традиции Северного Казахстана, которые также внесли свой вклад в формирование облика культуры переходного времени.

Заключение

В первой половине V тыс. до н.э., согласно современной радиоуглеродной хронологии, в Зауралье сосуществовали общины с культурными традициями как раннего, так и позднего этапов неолита: козловской, кошкинской, полуденской, боборыкинской, маханджарской. На поселении Кочегарово I мы фиксируем социальные связи населения козловской и полуденской культурных традиций, которые отразились в смешении отдельных черт в орнаментации сосудов и присутствии в каменном инвентаре типов орудий, присущих как раннему, так и позднему неолиту. На поселении Мергень 7 смешение происходило между общинами с козловской, полуденской и маханджарской культурными традициями, что также выразилось в появлении синкретичной группы керамики. Появление памятников с переходными чертами в керамике и каменном инвентаре позволяют нам обозначить первую половину V тыс. до н.э. в зауральском социокультурном пространстве как переходное время от культурных традиций раннего к традициям позднего неолита.

Благодарности. Автор искренне благодарен Т.Ю. Клементьевой за помощь в обработке керамической коллекции поселения Кочегарово I.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Культурное пространство Урала: археологические и этнологические исследования», рег. номер 124032100052-6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бикмулина Л.Р., Якимов А.С., Мосин В.С., Баженов А.И. Геохимические особенности почв и культурных слоев поселения неолита-энеолита Кочегарово-1 в лесостепной зоне Западной Сибири и их палеоэкологическая интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 31–40. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.2.035-044>
- Бунькова А.А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // ВАУ. 2011. Вып. 26. С. 125–144.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глущенко С.А. Поселение Ук VI в Тюменском Притоболье // Исторические исследования. Самара: Изд-во СамГПУ, 1998. Вып. 2. С. 254–267.
- Вохменцев М.П. Памятники неолита, энеолита и ранней бронзы в лесостепном Притоболье. Челябинск: Рифей, 2016. 137 с.
- Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 44–72.
- Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Хронология неолита Нижнего Приишимья (по данным Мергенского АМР) // УИВ. 2023. Вып. 1 (78). С. 46–54. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-46-54](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-46-54)
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Илюшина В.В. Ранний неолит Нижнего Приишимья в контексте проблематики неолитизации горно-лесной и лесостепной зон Зауралья и Западной Сибири // УИВ. 2024. № 3 (84). С. 21–33. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3\(84\)-21-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-21-33)
- Матюшин Г.Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье // Древности Башкирии. М.: Наука, 1970. С. 5–39.
- Мосин В.С. Нео-энеолитические стоянки лесостепи Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Каменный пояс, 1996. С. 4–21.
- Мосин В.С. Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья // Вестник Перм. ун-та, 2012. История. Вып. 1 (18). С. 50–66.
- Мосин В.С. Южный Урал в каменном веке. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2019. 408 с. (История Южного Урала: В 8 т.; Т. 1).

Переходное время от раннего к позднему неолиту в лесостепном Зауралье

Мосин В.С. Хронология памятников неолита и энеолита лесостепного Зауралья // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 38–45. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-38-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-38-45)

Мосин В.С. Хронология неолитических памятников в социокультурном пространстве Зауралья // Археология евразийских степей. 2024. № 4. С. 92–101. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.92.101>

Мосин В.С., Беспрозванный Е.М. Новые материалы со стоянок каменного века оз. Чебаркуль // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БГУ, 1985. С. 72–93.

Мосин В.С., Никольский В.Ю. Кремль и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.

Скочина С.Н., Мосин В.С. Каменный инвентарь полуденского комплекса стоянки Кедровый Мыс-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 34–46. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-3>

Хворова И.В. Кремнистые породы // Справочник по литологии. М.: Недра, 1983. С. 163–176.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 146–153.

Mosin V.S.

Institute of History and Archeology UB RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620108, Russian Federation
E-mail: mvs54@mail.ru

The transition from the Early to the Late Neolithic in the forest-steppe Trans-Urals

To date, approximately 50 Neolithic settlements and sites exhibiting diverse cultural traditions have been identified in the forest-steppe Tobol region. The interrelationships between these cultural groups, however, remain insufficiently studied. The article presents a comprehensive description and analysis of Neolithic artifacts recovered from the Kochegarovo I settlement. The lithic assemblage comprises 586 items, while the ceramic Neolithic assemblage consists of approximately 3,000 fragments, representing 122 vessels. The analysis of stone and ceramic products employed the following approaches: typological analysis, raw material identification according to I.V. Khvorova's classification, and chronological assessment based on 15 radiocarbon dates obtained from the Neolithic layer of the settlement. The settlement was inhabited during the first half of the 5th millennium BC by communities exhibiting both Early and Late Neolithic cultural traits. The most plausible interpretation of this pattern is the co-residence and close social ties between groups associated with the Kozlovo and Poludenka traditions, which is supported by the ornamentation patterns of the vessels. At the settlement of Mergen 7, ceramic vessels displaying hybrid features were documented, combining elements of the early Kozlovo cultural tradition with traits characteristic of the late Poludenka and Makhandzhar traditions. The identification of settlements exhibiting transitional characteristics in both ceramics and lithic inventories allows us to designate the first half of the 5th millennium BC as a transitional phase marking the shift from the Early Neolithic cultural traditions to those of the Late Neolithic in the Trans-Urals.

Keywords: Early and Late Neolithic, transitional time, stone tools, ceramics, cultural traditions.

Acknowledgments. The author sincerely thanks T.Yu. Klementyeva for her assistance in processing the ceramic collection from the Kochegarovo I settlement.

REFERENCES

Bikmulina, L.R., Yakimov, A.S., Mosin, V.S., Bazhenov, A.I. (2017). Geochemical soil analysis and environmental reconstructions at the Neolithic and Chalcolithic settlement Kochegarovo-1 in the forest-steppe zone of Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 45(2), 31–40. (Рус.). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2017.45.2.035-044>

Bun'kova, A.A. (2011). Ceramics from dwelling I of the Poludenka I settlement. *Voprosy` arxeologii Urala*, (26), 125–144. (Рус.).

En'shin, D.N. (2015). A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim basin): Description and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 29(2), 15–27. (Рус.).

En'shin, D.N., Skochina, S.N. (2023). The Lower Ishim region neolithic chronology (data from the settlements of the Mergen archaeological microdistrict). *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 1(78), 46–54. (Рус.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-46-54](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-46-54)

En'shin, D.N., Skochina, S.N., Ilyushina, V.V. (2024). The Early Neolithic of the Lower Ishim region in the context of the neolitization of the mountain forest and forest-steppe zones of the Trans-Urals and Western Siberia. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 84(3), 21–33. (Рус.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3\(84\)-21-33](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-3(84)-21-33)

Gerasimenko, A.A. (2008). Characteristics of the ceramics of the settlement of Evstyunikha I. *Voprosy` arxeologii Urala*, (25), 44–72. (Рус.).

Hvorova, I.V. (1983). Siliceous rocks. In: *Spravochnik po litologii*. Moscow: Nedra, 163–176. (Рус.).

Matyushin, G.N. (1970). Neolithic Sites of Tashbulatovo I and Sabakty III in the Bashkir Trans-Urals. In: *Drevnosti Bashkirii*. Moscow: Nauka, 5–39. (Рус.).

Mosin, V.S. (1996). Neolithic and Eneolithic sites of the forest-steppe of the Southern Urals. *Materialy` po arxeologii i e`tnografii Yuzhnogo Urala*. Chelyabinsk: Kamenny`j poyas, 4–21. (Rus.).

Mosin, V.S. (2012). Mesolithic sites of forest-steppe Trans-Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 1(18), 50–66. (Rus.).

Mosin, V.S. (2019). *Southern Urals in the Stone Age*. Chelyabinsk: Izdatel`skij centr YuUrGU. (Rus.).

Mosin, V.S. (2023). Chronology of the Neolithic and Eneolithic sites in the forest-steppe Trans-Urals. *Ural`skij istoricheskij vestnik*, 78(1), 38–45. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-38-45](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-38-45)

Mosin, V.S. (2024). Chronology of the Neolithic sites in the Trans-Urals socio-cultural space. *Arxeologiya evrazijskih stepej*, (4), 92–101. (Rus.). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.4.92.101>

Mosin, V.S., Besprozvanny`j, E.M. (1985). New materials from the Stone Age sites of Chebarkul Lake. *E`neolit i bronzovy`j vek Uralo-Irty`shskogo mezhdurech`ya*. Chelyabinsk: BGU, 72–93. (Rus.).

Mosin, V.S., Nikol`skij, V.Yu. (2008). *Flint and jasper in the material culture of the Stone Age population of the Southern Urals*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).

Shamanaev, A.V. (2001). Stone industry of the Koshkino culture (based on materials from the sites of Andreevskoe Lake). In: *Problemy` izucheniya neolita Zapadnoj Sibiri*. Tyumen: Izd-vo IPOS SO RAN, 146–153. (Rus.)

Skochina, S.N., Mosin, V.S. (2021). Stone equipment of the poludensky complex of the Kedrovyy Mys-1 site. *Vestnik arxeologii, antropologii i etnografii*, 54(3), 34–46. (Rus.). <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-54-3-3>

Vasil`ev, I.B., Vy`bornov, A.A., Glushchenko, S.A. (1998). Settlement Uk VI in the Tyumen Tobol region. In: *Istoricheskie issledovaniya*, (2). Samara: Izd-vo SamGPU, 254–267. (Rus.).

Vokhmentsev, M.P. (2016). *Sites and settlements of the Neolithic, Eneolithic and Early Bronze Age in the forest-steppe Tobol region*. Chelyabinsk: Rifej. (Rus.).

Мосин В.С., <https://orcid.org/0000-0002-5936-3266>

Сведения об авторе: Мосин Вадим Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург.

About the author: Mosin, V.S., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History and Archeology UB RAS, Yekaterinburg.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Received 25.08.2025

Accepted 18.12.2025

Article is published: 15.03.2026